

ПЛУСНИН Ю.М.

НОВАЯ ИЛИ ВСЁ ТА ЖЕ РОССИЯ? ДЕСЯТИЛЕТИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ДУШЕ, СОЗНАНИИ И ПОВЕДЕНИИ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ¹

"Наша жизнь - как слеза на реснице". Для большинства простых граждан России эта старинное восточное изречение верно вот уже почти десять последних лет. За эти годы все мы многое потеряли, возможно, многое и приобрели.

О потерях и приобретениях последнего десятилетия (которое я бы назвал, продолжая известную периодизацию Николая Бердяева, *Шестым Великим Переломом* в истории России), сказано уже немало. Поэтому здесь мне нечего было бы добавить, если бы речь шла об изменениях, "внешних" по отношению к жизни простого человека - об экономических, социальных и политических трансформациях российского общества. Моя задача - рассказать об изменениях "внутренних", тех, что произошли и происходят в душе, в сознании и в поведении простых людей в стране. И вот здесь-то есть много такого, что неизвестно не только широкой публике, но и специалистам - учёным, политикам и управленцам. Этим проблемам обычно не уделяют внимания, считая частную жизнь, чувства и переживания простого человека несущественными на фоне глобальных социальных процессов.

О каких изменениях я собираюсь здесь говорить? Это, во-первых, сила и направление изменений эмоционального состояния человека, характер и степень душевных переживаний массы людей, обусловленные кризисом общественного и государственного организма.

Во-вторых, это трансформация социальных установок и ожиданий (аттитюдов), изменения, происходящие в системе ценностей простого человека, а, вслед за этим, медленная эволюция мировоззрения и стереотипов обыденного сознания.

В-третьих, это специфические, часто ситуативно-приспособительные, изменения в поведении людей в ответ на изменение внешней, "большой" жизни, и прежде всего изменения структуры экономического поведения.

Конечно, в этой статье я смогу рассмотреть лишь поверхностно и лишь немногие из тех многообразных и многочисленных приспособительных реакций людей на новые условия своей жизни. Эти изменения мне удалось зафиксировать во время моих полевых исследований в период 1992-2000. За это время я организовал и провёл 19 социологических экспедиций, от небольших, связанных с изучением проблем в отдельном городе или регионе, до всероссийских опросов.

Я начал свои наблюдения изменений, происходящих в самых глубинах общественной жизни, с 1992 года, этого, может быть, наиболее трудного первого года "шоковой терапии", методы и последствия которой общество и все его члены вдруг и болезненно на себе ощутили. Вначале наблюдения были эпизодическими и несистематическими, как по причине отсутствия средств на их осуществление, так и по причине отсутствия интереса к ним со стороны органов управления. Но со временем, уже с 1995, исследования приобрели достаточно регулярный характер.

Для того, чтобы картина происходящих в России изменений была достаточно объективной и полной, я избрал в качестве объекта для постоянного наблюдения простых жителей сёл и малых городов провинциальной России - ту часть общества, которая составляет его основную массу, не только в численном отношении (не менее 60% населения²), но и как *несущий субстрат* социального развития. С моей точки зрения именно изменения, подспудно, незаметно для "верхов" общества, происходящие в массе простых членов общества, и создадут, рано или поздно, то, чем явится *Шестая Россия*. В данном случае риск ошибки при глобальной экстраполяции множества частных фактов всегда слишком велик, но (перефразируя Гёте) факт, даже много раз подтвержденный, без интеллектуальной интуиции ничего не стоит. Поэтому, опираясь только на свои собственные исследования - на интервью и анкетные социологические опросы более 5000 человек, проводившиеся в течение восьми последних лет в десятке регионов (см. рис. 1), - я позволю себе предложить читателю несколько интеллектуальных обобщений

¹ Данная статья является изменённым и расширенным вариантом публикации автора: Plusnin Yu. A new Russia - or the same old Russia? An alternative worldview in the making // Russia's Fate Through Russian Eyes. Voices of the new generation (Ed. by Heyward Isham). - Boulder, Colorado: Westview Press, 2001. - P. 9-32.

² Крупными городами считаются населенные пункты с числом жителей 500 000 чел. и более; малые города не всегда определены по числу жителей, обычно это, как правило, поселения численностью от 12 000 до 50 - 100 000 чел., хотя в России есть малые города с численностью населения не более 3000 жителей (кроме того, к городскому населению относятся и жители рабочих и курортных посёлков).

наблюдения "внутреннего течения жизни" в России и дать - конечно, весьма субъективные - прогнозы дальнейшего пути.

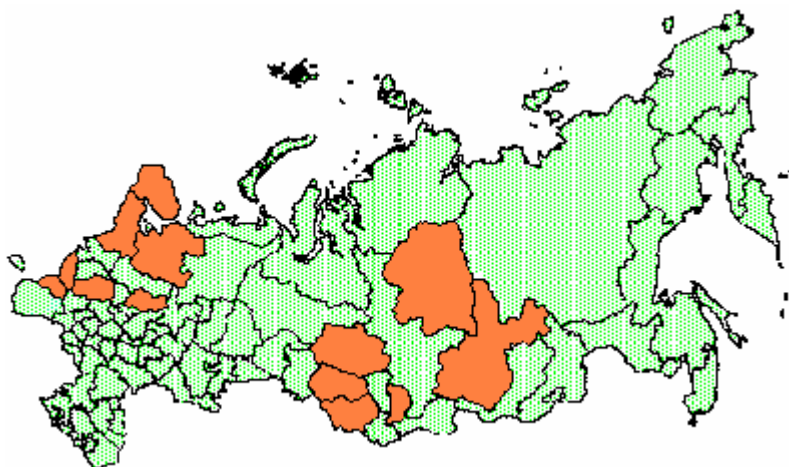

Рис. 1. Регионы обследования населения.

Как отразился кризис на душевном состоянии людей?

На какие изменения, произошедшие в душе простого человека, с моей точки зрения, важно обратить внимание? Три момента мне представляются существенными: 1) субъективное чувство приспособленности людей к новой жизни; 2) планирование ими своего будущего и 3) их повседневное эмоциональное состояние.

Адаптация к новой жизни

Значительная часть наших соотечественников, несмотря на десятилетие перемен, всё ещё никак не может приспособиться к "новой жизни". Слишком уж мала доля тех людей в обществе, которые считают себя хорошо или вполне адаптированными к нынешним экономическим и даже социальным условиям. Обычно учёные, не располагающие эмпирическими данными о мнениях и самооценках людей, предполагают, что сейчас в российском обществе около 1/5 населения хорошо адаптированы к новой жизни ("фавориты"), примерно 1/5-1/4 - плохо ("аутсайдеры"), а остальные же 1/2 - 3/5 находятся в неопределённом переходном состоянии.

Между тем, по моим наблюдениям, основанным на ежегодных опросах населения "провинциальной" России, а не населения столиц и мегаполисов (которое составляет всего около 1/4 россиян), картина оказывается гораздо безрадостнее. Только не более чем один из каждых десяти человек (1/10, а отнюдь не 1/5 часть населения) считает, что он - в "фаворитах" новой жизни и уже к ней вполне приспособился. Никак не могут к ней приспособиться не менее чем 5-6 человек из каждых десяти (3/4, а не 1/4 "аутсайдеров", как обычно думают; но, правда, только около 10% людей считают, что они уже вовсе не способны усвоить новые правила игры). Оставшиеся 3-4 человека из каждых десяти (от 1/3 до 2/5 численности) находятся в том неопределённом состоянии, когда они сами ещё не знают вполне, приспособились ли за десять лет они уже к этой жизни, или всё ещё нет. На рис. 1 нагляднее представлено это распределение людей по субъективному чувству степени их приспособленности к новым условиям жизни.

Таким образом, есть основания думать, что до 90% простых людей в стране не только не чувствуют еще себя "хозяевами жизни", но даже и участниками, рассчитывающими на маломальский успех. Объяснить это можно множеством причин. В том числе одна из первых и самая очевидная - экономическая.

Популярный американский писатель Генри Торо известен у нас своей автобиографической повестью "Уолден или Жизнь в лесу". Два года своей жизни он провел в построенной им самим хижине на окраине леса на берегу Уолденского пруда. Описывая заботы и трудности повседневной жизни "в лесу" - а точнее, всего в двух милях от поселка, - Торо с гордостью отмечал, что 8 месяцев он сумел прожить всего на 62 доллара. Он исключил из этих расходов самостоятельно произведенные им продукты питания - картофель, бобы, горох, кукурузу, - но, правда, включил расходы на стирку и штопку

одежды, которую он регулярно отдавал прачке (!). Таким образом, едва ли не половину времени своей одинокой жизни Торо жил менее чем на 8 долларов в месяц, или всего на 25 пенсов в день.

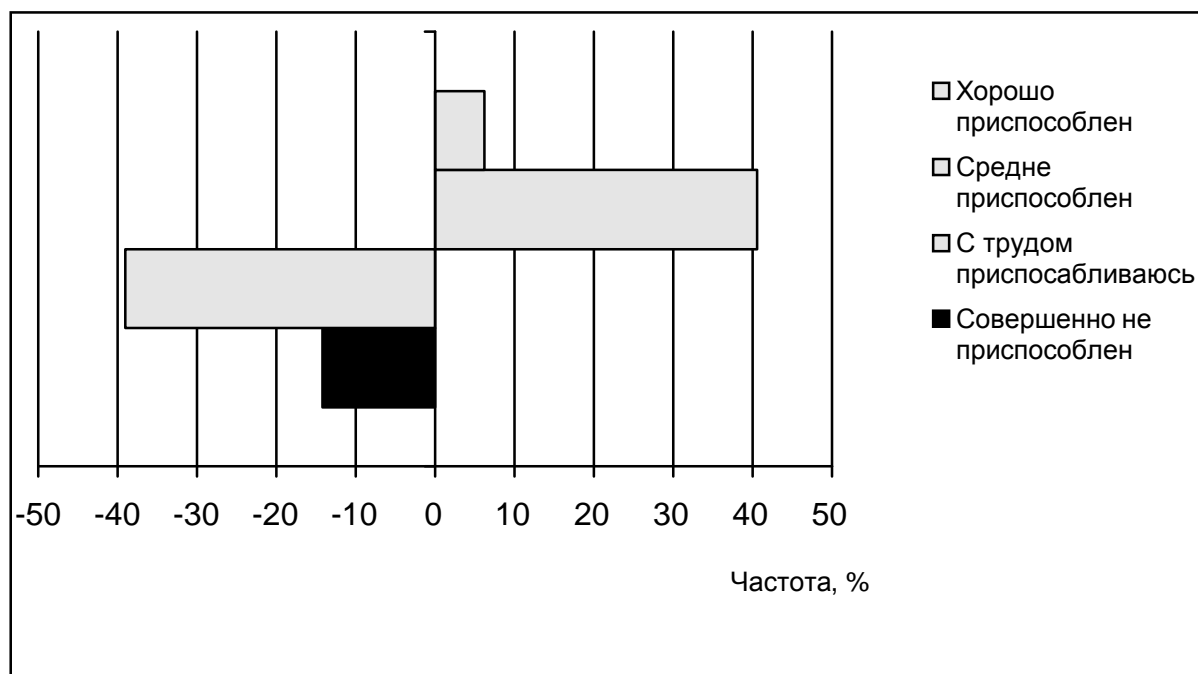

Рис. 2. Приспособленность людей к новым социально-политическим и экономическим условиям жизни в 1999 году. Со знаком «минус» - доля респондентов (54%), которые за все годы реформ так и могут приспособиться к новой жизни; средний уровень приспособленности отмечают 40%; «фаворитами» новой жизни считают себя только 6% простых людей.

До сих пор этот сверхскромный уровень жизни, составлявший предмет гордости самого Торо, вызывает в сознании романтического западного читателя восхищение аскетической недостижимостью. Однако тот же читатель, повернув голову на восток, совершенно не восхищается еще большей романтикой повседневного существования людей во вновь образовавшихся государствах Европы. Если принять оценку, например, The Federal Reserve Bank of Minneapolis уровня инфляции доллара с 1860-х годов до наших дней в соотношении 1 к 19-20 (когда \$1 в 1860 приравнивается к \$19,44 в 1999), в качестве корректной, то денежные расходы Торо эквивалентны примерно 1200 долларам в наши дни, или около 150 в месяц, т.е. примерно 5 долларам в день. Масса же наших соотечественников из сёл и небольших городов в большинстве своём далеко опережают американского романтика по экономности и продолжительности подобной жизни. Ведь "живыми" деньгами (а не теми, что начисляются в виде зарплаты и остаются годами лишь "деньгами-на-бумаге" - таких денег у людей бывает по много тысяч, но это - что-то вроде беспроцентной ссуды государству) эти люди имеют в месяц, в пересчёте на одного человека в семье, всего от 20 до 100 рублей - это не 150 долларов, а всего лишь 1-4 доллара в месяц. И живут они жизнью Уолденского отшельника (я имею в виду только материальную её сторону) не два года, а уже почти десятилетие. И подобно ему, значительную часть своего пропитания они выращивают и добывают для себя сами. (Чтобы читатель не упрекнул меня в чрезмерно низких количественных оценках, добавлю, что, по моим же оценкам, размер месячного дохода жителя крупного города Новосибирска составлял в последние 2 года в среднем от 45 до 80 долларов. Впрочем, аналогичные оценки уровня жизни в сельской местности и в крупных городах дают и другие исследователи³)

Вот та, собственно, самая наглядная причина, объясняющая столь низкий до сих пор процент числа людей, чувствующих себя хорошо в "новом" обществе. Но еще более печальным представляется

³ См., напр.: Осенний кризис 1998 года: российское общество до и после (Аналитические доклады РНИСиНП). - М., 1998. - 264 с.

мне тот факт, что на протяжении всего почти десятилетнего периода в российском обществе не увеличивается число людей, которые считают себя приспособившимися к новой жизни. Их доля при опросах, начиная с 1994, остаётся в пределах 5-10% и выше не поднимается. При этом не уменьшается в обществе и доля тех, кто считают себя совсем неспособными "встроиться" в новые экономические и социальные отношения.

А ведь простая схема рассуждений наших политиков как раз предполагает, что по мере "вхождения в рынок" всё большее и большее число людей будут чувствовать себя в новых социально-экономических условиях комфортно. Может быть, этого и следовало бы ожидать, если бы реформы были непродолжительны, позитивны и способствовали, в конечном счёте, стабилизации общества⁴. К сожалению, хаос реформ и полная неопределенность будущего побуждает людей к выбору стратегий поведения, которые только в краткосрочной перспективе бывают адаптивными, а даже на отрезках времени в один-два года оказываются неадаптивным, случайным броуновским блужданием. Отсюда и отсутствие чувства приспособленности. Люди хорошо понимают это, видят, как "внешняя жизнь" в форме противоречивых законов и государственных директив подбрасывает им всё новые сюрпризы, один другого неприятнее, и потому отнюдь не уверены, что то оружие, которое они выбрали сегодня для борьбы за своё существование, завтра окажется столь же пригодным, как сегодня.

Планирование людьми своего будущего

Люди всегда хотят спокойствия и стабильности. И то, что сейчас в России большинству из нас приходится непрерывно выдумывать многочисленные, разнообразные, но по своей сути и содержанию простейшие стратегии борьбы за существование, тактики выживания, раздражает и дезориентирует многих людей. Непосредственными реакциями на это оказываются резкое уменьшение сроков перспективного планирования частной жизни и трудовой активности людей и устойчивое снижение эмоционального статуса, фона повседневного настроения.

В случае изучения такого психологического феномена, как планирование людьми своего будущего, мои наблюдения дают в целом весьма пессимистическую картину того, как резко сократились в глазах людей перспективы их личной жизни и работы (усредненные и приблизительные оценки сроков планирования людьми своего будущего представлены на рис. 2). Начиная, по-видимому, с 1991-92 (регулярные наблюдения начались только с 1994 г., до того оценки были получены только из интервью), обычное планирование людьми своей жизни и работы стало быстро и резко сокращаться. По данным социальных психологов, в советский период простой человек планировал своё будущее в среднем обычно на 1-3 года, немалое число людей имели планы и на сроки в 5 и более лет. Развитие кризиса, появление и рост безработицы и неплатежей населению со стороны государства, когда каждый оказался перед реальной угрозой утраты всех средств к существованию, привели к тому, что к 1993-94 планирование, особенно трудовой деятельности, сократилось у большинства людей до месяцев и нескольких недель (причём не только, например, у заводских рабочих или жителей сёл, но даже у профессиональных учёных). Можно совершенно уверенно говорить, что жизненные перспективы людей сократились сразу на порядок в течение очень короткого отрезка времени. В последующем, к 1996-98 гг. наблюдался медленный, но постоянный рост перспективного планирования жизни и работы. В некоторых социальных группах средние оценки перспектив приближались к 8-10 месяцам и 1 году. Однако, в 1999 жизненные перспективы людей вновь стали призрачными, вновь резко сократились, и сейчас ситуация подобна той, что была в 1994.

Приведу несколько фактических данных, обобщающих 2 последних года. До половины населения (более 49%) совсем отказываются как-то планировать свою жизнь и ещё 15% планируют её не далее, чем на 1/2 года. Получается, что практически 3/4 населения не видят сейчас для себя лично никаких перспектив в сложившихся и складывающихся социальных, политических и экономических условиях. Только 1/4 часть населения оценивает свои жизненные перспективы как нормальные (планируя будущее вперед на 1 или 3-5 лет) или продолжительные (от 5-10 и более лет).

С трудовыми планами у людей дело обстоит хотя бы немного получше, чем с личными перспективами. Здесь 1/3 (36%) отказывается вообще как-то планировать своё будущее, и ещё 14% планируют трудовую активность не далее, чем на месяц и всего до полугода. В сумме это ровно половина населения. Из оставшейся второй половины населения треть (34%) просматривает перспективы своих трудовых планов на отрезках от 1 года до 3-5 лет, а 12% людей - ещё дальше.

⁴ Улюкаев А.В. В ожидании кризиса: ход и противоречия экономических реформ в России. - М., 1999. - 208 с; Наумова Н.Ф. рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? - М., 1999. - 176 с.

Резкое сокращение сроков планирования жизни является, на мой взгляд, одним из самых надёжных маркеров социальной нестабильности. Как только нестабильность общественной структуры возрастает, сроки перспективного планирования в массовой части общества начинают сокращаться. Те значения жизненных перспектив, которые я фиксирую в среде простых людей, свидетельствуют о глубине психологического кризиса общества.

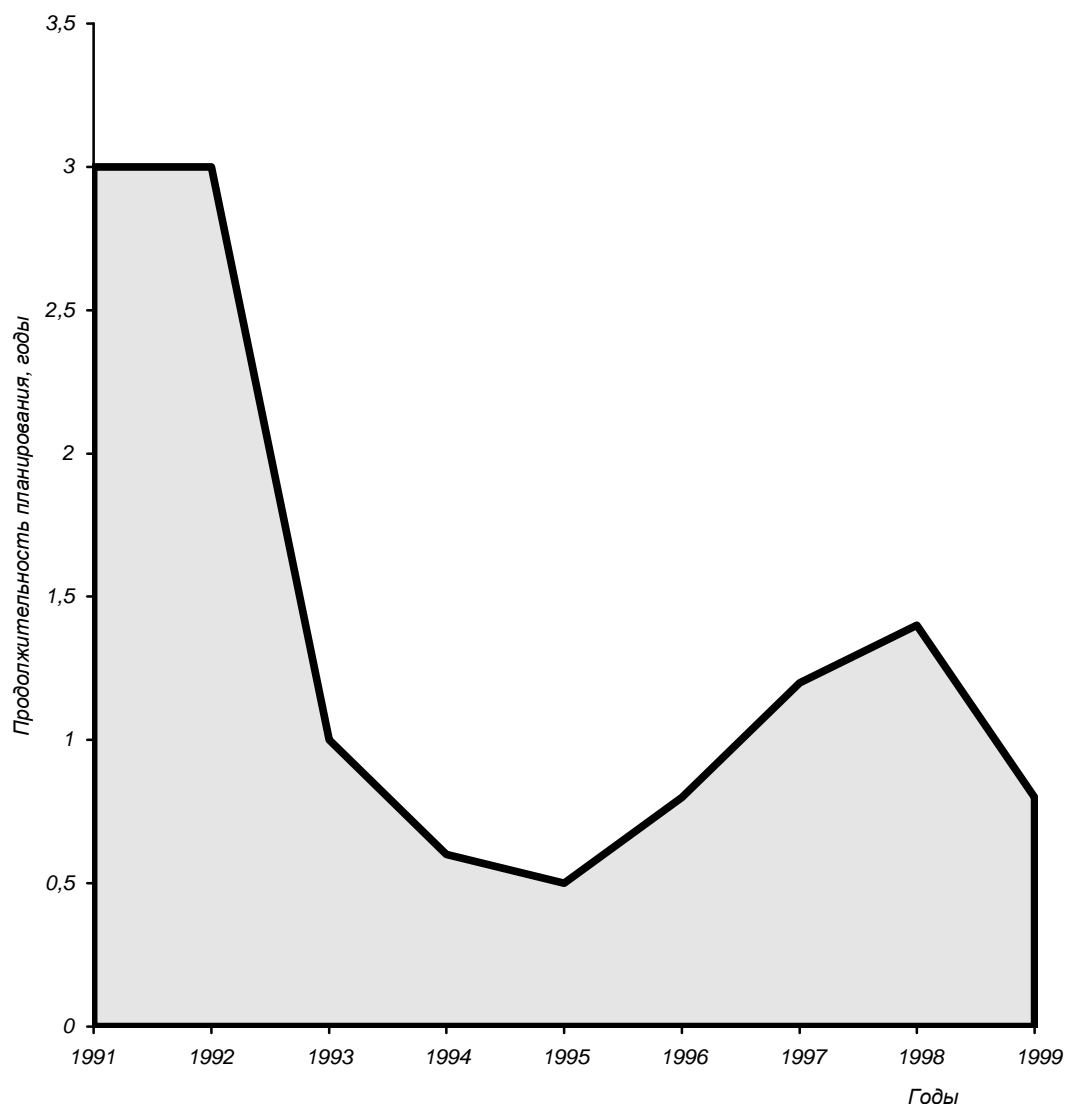

Рис. 3. Схематичное представление средних сроков перспективного планирования людьми своей личной жизни и работы в период кризиса 1992 - 1999 гг. Суммированы данные авторских исследований разных лет и на разных выборках.

Эмоциональный стресс

Вторая из зафиксированных психологических реакций - повседневное эмоциональное состояние людей. Общество и его члены чувствуют себя плохо. Это все знают. Но насколько плохо? Здесь социологи, психологи, врачи практически сходятся во мнениях и в численных оценках степени неблагополучия настроения общества. Приведу в качестве иллюстрации мои собственные данные за 1999 год. При опросах людей о их повседневном настроении, только один человек из каждых десяти (если точнее по всей выборке, то около 9%) отвечает, что он обычно находится в хорошем или прекрасном расположении духа (естественно, что это одновременно почти все те люди, которые считают себя более

или менее удачно приспособившимися к новой жизни). Только менее 30% людей пребывают в нормальном, по их словам, психологическом состоянии. Таким образом, в сумме менее 40% членов общества чувствуют сейчас себя нормально или хорошо, иначе говоря, не испытывают эмоционального стресса. А почти 2/3 людей (около 62%) оценивают своё душевное состояние пессимистично, причём 13% считают, что они находятся в крайне тяжелом эмоциональном напряжении.

Однако те же самые люди, характеризуя настроение близких среди своего непосредственного окружения, дают ещё худшие оценки. По их мнению, только один из каждых 7 близких им людей (всего это составляет около 13%) живёт с уверенностью в будущем и с оптимизмом в душе. Шестеро из каждых десяти (63%) - испытывают напряжение и неуверенность, а каждый четвёртый (около 25%) находится на грани нервного срыва (респонденты описывают их состояние такими словами, как тревога и страх, раздражение и агрессия, апатия и тоска).

Неблагоприятный рост уровня эмоционального стресса в популяции стал наблюдаться практически сразу с началом реформ (правда, в то время исследования этих аспектов носили эпизодический характер). К 1995-1996 годам эмоциональное напряжение достигло, по-видимому, самых неблагоприятных значений. По ряду наблюдений, если говорить медицинским языком, в состоянии острого эмоционального напряжения находилось от 1/2 до 2/3 населения, а в хронической фазе, чреватой развитием самых разных соматических заболеваний и нервно-психическими нарушениями, - от 1/5 до 1/4 и более людей. Со временем в процессе психологической адаптации стала уменьшаться доля людей, имеющих острое эмоциональное напряжение, постепенно они переместились в ту часть населения, для которой характерна адекватная эмоциональная реакция на стресс. Однако доля популяции с патологическим характером эмоционального реагирования на стресс, характеризующимся застойными явлениями, чреватыми психосоматическими расстройствами, составляет и сейчас не менее 1/4. Причём совпадают два вида оценок уровня хронического эмоционального напряжения в обществе: как полученные в результате опроса людей (около 25%), так и полученные с помощью объективных психологических тестов (24%, также наши данные). Говоря патетически, четверть населения страны находится на грани срыва, - но это, между тем, горестная реальность.

Но есть ли на этом крайне сумрачном и безрадостном фоне нынешнего психологического состояния общества хоть что-то утешительное?

Есть, конечно. Позитивные, благоприятные психологические моменты нашей жизни существуют, и они на поверхности и столь же очевидны, как и признаки эмоционального стресса. Обращу внимание читателей только на два, с моей точки зрения, очень важных факта.

Поддержка и сплочённость людей

Первый из них - это та поддержка, которую человек получает от своих близких, друзей, коллег по работе. В нашем обществе (конечно, как мне кажется, прежде всего в среде простых людей), во многом отличном от западного общества, человек располагает очень большой моральной, душевной и материальной поддержкой со стороны своих близких. Очень важно знать, что ты не пропадёшь, если вдруг случится несчастье, немало людей придут тебе на помощь, поддержат.

Какова же доля людей в нашем обществе, уверенных в помощи и поддержке со стороны своих близких? По моим наблюдениям, таких людей не менее 3/4 (75%). Только единицы (до 5%) признаются, что от близких они совсем не получают ни материальной помощи, ни душевной поддержки. Лишь менее 10% взрослых еще нестарых людей в нашем обществе чувствуют себя одиноками. Это, насколько я знаю, много меньше, чем, например, в Западной Европе, где до 40% людей считают себя одиноками.

Второй позитивный факт: респонденты повсеместно, где бы они ни жили, отмечают, что простые соседские отношения между людьми остаются нормальными, душевными, несмотря ни на какие трудности и катаклизмы, что несёт им "внешняя" жизнь. Соседская община, будь то небольшое село, или городок, или район в крупном городе, сохраняет сплоченность, взаимный альтруизм людей, готовность их помочь друг другу велики. Более чем для 4/5 всех опрошенных мною людей непосредственная социальная среда их обитания является действительно родной и близкой, отношения между людьми здесь дружеские, благожелательные. Всего менее 15% людей отмечают, что они живут в напряженных отношениях со своими соседями. И только единицы, менее 3% считают, что отношения между людьми в его общине плохие или напряженные.

Вот эти два обстоятельства - значительная психологическая поддержка, оказываемая людьми друг другу, и высокая социальная сплочённость людей в соседской общине - и выступают, с моей точки зрения, едва ли не ключевыми факторами, которые поддерживают и скрепляют наше общество на самом глубинном, низовом уровне, невзирая ни на какие бедствия, что несёт сейчас этим людям внешний мир.

Изменения в социальных установках и мировоззрении людей

Проблема изменения мировоззренческих и ценностных установок в современном российском обществе, осмысляемая социальными философами как структурный кризис ценностей в кризисно-реформируемом социуме, постепенно теряет и остроту и новизну. Уже все знают, что что-то происходит в менталитете российского общества. Но что конкретно? В каком направлении происходят сдвиги в мировоззрении, особенно, когда речь идёт о «простом человеке»? Здесь есть неопределенность и разногласия во мнениях исследователей, напрямую коррелирующая с многочисленностью работ⁵. Почти все социальные психологи обращаются к изучению трансформаций в массовом сознании жителей средних и больших городов. А это далеко не то же самое, что менталитет жителя малого города или села. Я представлю читателю несколько выявленных тенденций изменения обыденного сознания (менталитета), и прежде всего - изменения в иерархии базовых ценностей и смыслов жизни простого человека в селах и малых городах провинциальной России.

Изменения в системе ценностей

Изучение структуры ценностных предпочтений людей обычно основывается на хорошо известной концепции Абрахама Маслоу⁶. В индивидуальной системе базовых ценностей каждого человека присутствуют пять групп иерархически упорядоченных потребностей, актуализированных в качестве ценностей: от групп простейших потребностей, связанных с удовлетворением биологических нужд и обеспечения физической безопасности, через ценности установления и поддержания социальных связей до высших потребностей социально-профессиональной самореализации человека и его самоактуализации как личности. Хотя группы ценностей и упорядочены иерархически на социальном нормативном уровне, у каждого индивида существует своя индивидуальная иерархия предпочтений тех или иных ценностей. Общественный идеал заключается в том, чтобы нормативная и индивидуальная иерархии ценностей были согласованы или совпадали. Но высшие группы ценностей находятся в зависимости от того, насколько реализованы низшие ценности. Если низшие ценности не удовлетворены, индивид отдаёт предпочтение им, а не ценностям высшим. Это - главное следствие теории Маслоу, которое считается логически очевидным, но которое не подвергалось проверке на массовой выборке, поскольку невозможно экспериментально создать условия, в которых значительные группы людей были бы одновременно лишены возможности удовлетворять свои высшие потребности. Широко известные исследования Р. Инглехарда⁷ как раз относятся к стабильным промышленно развитым обществам Западной Европы и потому демонстрируют отчётливое смещение в индивидуальной иерархии ценностей европейцев от материалистических (вообще говоря, низших) в сторону постматериалистических (высших)⁸.

В моих исследованиях динамики базовых ценностей я воспользовался уникально-печальной ситуацией нашей страны, когда практически всё её население вынуждено ежедневно думать прежде всего о добывании средств к пропитанию и заботиться о безопасности себя и своей семьи. Наблюдения позволили действительно подтвердить, что уменьшение возможностей для удовлетворения низших потребностей заставляет людей изменить иерархию индивидуальной системы ценностей. Год от года в течение всего периода наблюдений (они начались с 1995) происходит достаточно быстрое смещение в структуре ценностей как у мужчин, так и у женщин (см. рис. 3). Всё больше людей начинают считать наиболее значимыми для себя ценности физической безопасности и материального благополучия. Особенно сильно повлияло на такое смещение неожиданное для многих усиление кризисных процессов в 1998 году. Например, доля людей, считающих самыми важными для себя ценности материального благополучия и безопасности возросла с 42% в 1995-96 гг. до 81% у женщин и до 74% у мужчин в конце 1998 г.

⁵ См., к примеру, монографические исследования: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. - М.: МОНФ, 1999. - 345 с.; Ментальность россиян / Под ред. И.Г. Дубова. - М.: имидж-контакт, 1997. - 480 с.; Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки. - М., 1990; Динамика ценностей населения реформируемой России / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. - М.: Эдиториал УРСС, 1996. - 224 с.

⁶ Maslow A.H. Motivation and personality. N.Y.: Harper & Bros. 1954.

⁷ Inglehart R. Culture shift in advanced industrial society. - Princeton: Princ. Univ. Press, 1990.

⁸ См.: Abramson P.R., Inglehart R. Value change in global perspective. - Ann Arbor, Michigan, 1995; Rokeach M., Ball-Rokeach S.J. Stability and change in American value priorities, 1968-1981 || American psychologist, 1989. - V. 44. - N 5. - P. 775-784.

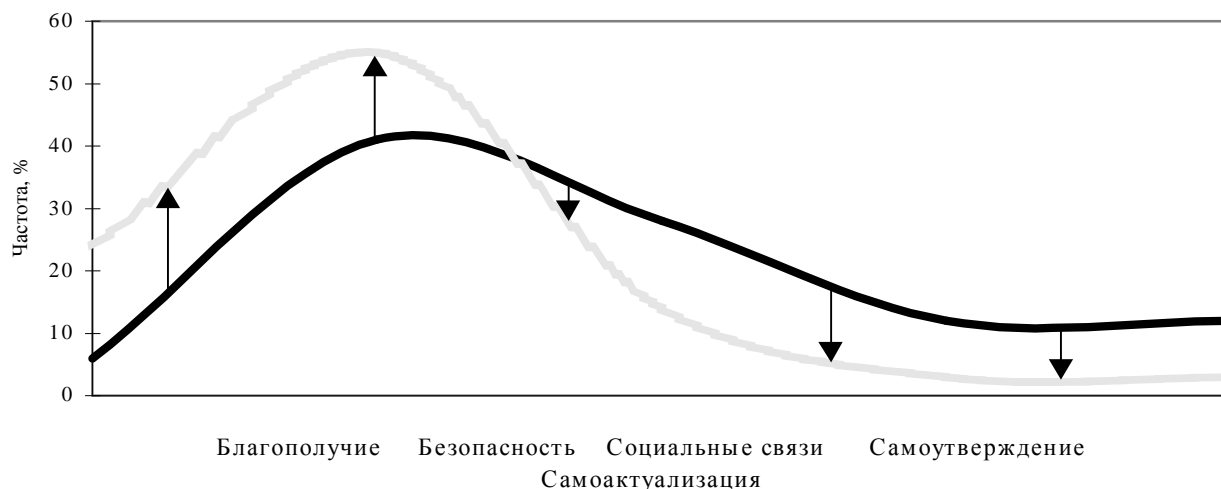

Рис. 4. Динамика изменений в структуре важнейших индивидуальных ценностей взрослых мужчин и женщин (частота самых значимых для человека ценностей, занимающих в его иерархии ценностей три первых места). Чёрная линия – объединенные данные за 1995-96 гг.; серая линия - данные 1997-99 гг. (общая выборка 1762 чел.). Стрелками показана степень изменений значимости каждой их пяти групп ценностей. Ценности материального благополучия и физической безопасности наращивают значимость за счёт снижения значимости ценностей индивидуального самоутверждения и самоактуализации личности. Ценности социальных связей не изменяют своего значения.

Группа ценностей материального благополучия: ценность простой материальной жизни; жизнь в удовольствии; жить в достатке.

Группа ценностей безопасности: жизнь человека; физическая защищенность; здоровье.

Группа ценностей социальных связей: любовь; семья; общение; дружба.

Группа ценностей самоутверждения: ценность работы, труд; активная жизнь; социальное признание; равенство людей.

Группа ценностей самоактуализации личности: познание; понимание; творчество; свобода; красота.

Группа ценностей, относящихся к основным социальным установкам человека (общение с близкими, семья, любовь), которые должны занимать одно из главенствующих мест в структуре ценностей личности, всё больше отступают теперь на второй план, хотя число людей, для которых эти ценности остаются наиболее важными в их индивидуальной иерархии, в целом в популяции не меняется: их доля остаётся на уровне 25-30%. Уменьшается прежде всего приоритетное значение таких ценностей, как свобода, красота, понимание, творчество, равенство людей, социальная справедливость. Они всё больше отодвигаются в самый конец списка ценностей личности, становятся незначимыми.

К каким последствиям может вести такой процесс смещения в иерархии терминальных ценностей сразу у большой части общества, процесс, который сейчас, по-видимому, идёт в направлении, противоположном тому, что зафиксирован Инглардом для Западных обществ? В рамках развитой мною ранее гипотезы "социальных качелей ценностей"⁹ специально рассмотрено одно из главных следствий такой динамики. В условиях стабильной социальной структуры общество стремится с помощью социорегулятивных механизмов (прежде всего в процессе образования) добиться непрерывного и равномерного движения "вверх" по шкале ценностей, обеспечить условия максимального благоприятствования для личностного роста. В условиях нарушения стабильного общественного развития приходят в движение "социальные качели". Ослабевает пресс регулирующих и контролирующих механизмов, традиционные институциональные механизмы социализации начинают "давать сбой"; индивид получает значительно меньше импульсов "позитивного социального усилия".

⁹ Плюсин Ю.М. Два полюса ценностного развития личности // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск, 1995. - № 2. - С. 34 - 40

При начавшемся смещении ценностных приоритетов вниз на первый план в их иерархии постепенно выступают органические потребности, ценности физической безопасности. Но движение вниз не может быть бесконечным и не может носить массового характера, поскольку оно таит угрозу самому существованию общества. Общество как самоорганизующаяся система вынуждено переходить к использованию более мощных механизмов контроля и регуляции, либо сформировать новые подобные механизмы (такие ситуации крайне редки и они всегда оставляют след в общественном сознании: например, инквизиция, фашистские и любые диктатуры). Эти механизмы включаются как последнее средство массового "возвращения" членов общества к приемлемому уровню ритуальности, правильности социального поведения. Если механизмы оказываются неэффективными, процесс развивается до своей крайней точки, достижение которой влечет за собой разрушение общественной структуры.

Но как "нижний" полюс несет разрушение общественной структуры, так и "верхний" полюс означает социальную стагнацию. Массовое достижение уровня "общественно-ценной личности" превращает общество в ту целесообразно организованную систему, какая описана в "Государстве" Платона. Неизвестно, можно ли отыскать примеры реальных обществ, которые обладали столь мощными механизмами, что обеспечили своим членам всеобщее достижение "идеального" состояния. Этому состоянию свойственна элиминация жизненных целей отдельных личностей, поскольку единственный общий смысл жизни социально запрограммирован и зафиксирован в идеологических и религиозных образцах. В реальном же обществе индивид находится в состоянии "устойчивого неравновесия", вынужденный в силу "социального драйва" двигаться вверх по шкале ценностей, но в силу естественных факторов постоянно стремящийся скатиться вниз. Неустойчивость социального развития периодически возникающая в том или ином обществе, заставляет большинство его членов балансировать на "социальных качелях" ценностного развития. Мы являемся сейчас как раз свидетелями такой "раскачки ценностей" в российском обществе, когда "качели" достигли, по существу, своей нижней, предельной точки.

Трансформация жизненных смыслов

Ещё одним важным признаком трансформации общественного сознания в современной России являются изменения значимости для большинства людей тех или иных смыслов жизни. Классическая культурно-независимая типология жизненных смыслов Морриса¹⁰, дополненная в 60-70-е годы Роджерсом¹¹, составила методологическую базу моих исследований структуры смыслов жизни простых людей в стране. Первоначально я намеревался изучить только структуру предпочтений людьми определенных смыслов их жизни. Оказалось, однако, что зафиксированная структура имеет некоторый временной тренд. Наблюдения 1995-1999 годов показывают, что в четырёх случаях прослеживается вполне определенная направленность, достаточно очевидно интерпретируемая при помощи причин социальной природы.

В российском обществе определенно увеличивается численность той группы людей, которые важнейшим смыслом считают простую, непритязательную жизнь, основу которой составляет удовлетворение примитивных органических и материальных потребностей. За несколько лет доля таких людей возросла с 17-20% до 28%. В данном случае напрашивается очевидная интерпретация: предельные трудности, связанные с необходимостью физического выживания, заставляют людей всё чаще переоценивать смыслы жизни в пользу самого простого существования.

Увеличивается в то же время в обществе и число людей, значимый смысл жизни которых - в активной деятельности, в индивидуалистическом стремлении к успеху, к достижению результата, независимо от трудностей. Эта цель, как часто считают, не слишком присущая русским (в нашем сознании она обычно ассоциируется с "американской индивидуалистической моделью жизни"), оказывается сейчас приоритетной для каждого четвертого члена нашего общества! (Я не располагаю надёжными данными за более ранний, чем 1995 г., период, но, по косвенным оценкам, указанный смысл жизни принимался тогда в качестве приоритета примерно 7-10% простых людей; можно думать, что годы реформ, несмотря на все негативные последствия их для жизнедеятельности людей, в частности, повлияли на этот двух или даже трехкратный рост числа людей, полагающихся в выборе жизненных целей прежде всего на себя самого, изживающие в себе патерналистские установки, столь обычные для нашего социализма).

¹⁰ Morris C.W. Varieties of Human Value. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1956.

¹¹ Rogers C.R. On becoming a person. A therapist's view of psychotherapy. - Boston: Houghton Mifflin Company, 1961 (в русском переводе: Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс. 1994).

Напротив, предпочтение такой жизненной цели, как жизнь ради других людей, стремление быть полезным для общества, уменьшается. В данном случае доля людей, выбирающих эту цель в качестве важнейшего смысла своей жизни, сократилась за 5 лет вдвое: с 10-11% до 5-6%. Наблюдается сокращение значимости в глазах простых людей и другой социально-ориентированной цели: жить по долгу и совести, принимая ответственное участие в делах общества. Если в исследованиях 1995-96 гг. число людей, отдающих предпочтение именно этому смыслу, составляло 15-16%, то к концу 1998 и 1999 гг. их число сократилось до 10% и менее.

Все эти изменения (я думаю, все-таки обратимые) в предпочтении центральных для человека жизненных установок достаточно очевидно интерпретируемы. Происходит ослабление внутренних социальных скреп, поддерживающих стабильность общества через глубинные мировоззренческие препозиции своих членов. Люди всё меньше чувствуют себя обязанными на безусловную жертву ради общества, ради его процветания. Одновременно и внешние обстоятельства - как материальные трудности жизни, так и несомненное давление идеологий, ранее неприемлемых или запрещенных в советском обществе, - оказывают сильнейшее давление на сознание людей и заставляют переоценить жизненные смыслы и приоритеты.

Можно сказать, что индивидуально-ориентированные жизненные цели людей находятся сейчас в согласии с такой же индивидуалистической ориентацией большинства предлагаемых (точнее, примеряемых) форм идеологии в реформируемом российском обществе. Более 40% людей сейчас полагают для себя важнейшими именно индивидуальные цели, хотя ещё недавно число таких людей не составляли и 1/4 общества. Как обычно, маятник качнулся слишком сильно. На этот раз, однако, изменения больше затронули ментальные установки женщин, нежели мужчин: доля женщин с индивидуалистическими жизненными целями возросла в 1.5 раза, тогда как у мужчин увеличения числа людей с такими установками практически нет. Этот факт отражает действительное и повсеместное нарастание активности женщин в российском обществе в последнее десятилетие. Важно, что этот рост деловой активности женщин затронул не только жительниц крупных городов, но и самых мелких селений. Зато у мужчин наблюдается, к сожалению, очень быстрое и резкое сокращение числа тех, кто отдаёт предпочтение социально-значимым смыслам жизни - таких, например, в выборке по опросу 1999 г. оказалось менее 10%.

Между тем, я не могу не отметить такую важную черту смысловых ориентаций людей, особенно среди жителей сёл и малых городов, как значительное предпочтение, отдаваемому "роджерсовскому" смыслу жизни. В своё время К. Роджерс предложил добавить к списку 5 основных жизненных целей Ч. Морриса шестой, по его мнению, очень важный смысл жизни развитой личности. В формулировке Роджерса - это "быть тем, кто ты есть в действительности, оставаться самим собой при любых обстоятельствах". Оказывается, что именно этот жизненный смысл наиболее предпочтителен почти для 40% простых россиян, и больше всего среди женщин (в крупных городах предпочтение существенно ниже). Я думаю, что и здесь объяснение найти просто. В годы общественной нестабильности и неурядиц человек подвергается немалым искусам и опасностям утратить своё достоинство. В этих обстоятельствах требуется сохранить уважение к себе как к личности, остаться тем, кто ты есть действительно. Поэтому и представляется для многих людей сейчас первой целью сохранение своей самобытности, личностной уникальности.

Мировоззренческие трансформации (религиозность vs экологическое сознание)

Происходят, по-видимому, серьёзные изменения и на уровне целостного мировоззрения простого человека. Но зафиксировать их в социальном исследовании весьма непросто, а часто и невозможно. Я обращаю здесь внимание только на три поверхностных, а потому легко выявляемых элемента менталитета простого жителя России: это подверженность влиянию средств массовой информации, религиозное и экологическое сознание людей.

Мировосприятие людей находится сейчас под очень сильным влиянием средств массовой информации, причём воздействие это существенно усилилось по сравнению с советским периодом. Человек, мировосприятие которого сложилось в "однородной" информационной среде, у которого в крови пиетет перед печатным словом (и приравненным к нему словом, изреченным с экрана телевизора), сейчас часто оказался неспособен отнестись критически к плюрализму мнений, потерял ориентиры в потоке сильно искаженной информации, передаваемой на разных каналах СМИ. При идеологическом вакууме, какой уже более 10 лет существует в России, чрезвычайная необъективность и разноголосица информационных потоков способствуют тому, что мировоззрение простых людей становится всё менее цельным, оно оказывается всё более подверженным конъюнктуре. Особенно это касается молодой его части в возрасте до 30 лет. Разрушение традиционных и идеологических основ мировоззрения

усугубляется при этом ростом частоты отклоняющихся (аддиктивных) форм поведения, которое широко рекламируется в СМИ (курение, алкоголизация, наркомания, сексуальная распушенность).

Люди сами оценивают свою погруженность в СМИ как чрезмерную, иногда вредную. Более половины (53 %) жителей сёл и малых городов признаются, что они постоянно и ежедневно смотрят телевизор и слушают радио (газет теперь почти не выписывают). Только около 1/4 людей лишь время от времени "погружаются" в СМИ; и никто не отвечал, что никак не причастен к mass media. Все без исключения смотрят телевизионные передачи двух родов: новости и сериалы. Первые позволяют поддерживать ощущение сопричастности с миром, не чувствовать себя слишком изолированными. Вторые же позволяют "забыться", отвлечься от тягостных переживаний и необходимости предпринимать какие-то действия для выживания.

Подверженность влиянию СМИ самими людьми признаётся как вредная. Самый яркий и постоянный пример, который простые люди повсеместно в стране приводят в качестве иллюстрации этого: президентские выборы лета 1996 года. Сразу после окончания выборов и спустя год-полтора после них мне в интервью постоянно указывали, что большинство жителей были против президента Ельцина, но под массивным влиянием СМИ все-таки сделали выбор в его пользу. Причём тут же раскаявшись в этом решении. Электорат почти каждого локального сообщества разделился едва ли не поровну, вне зависимости от возраста и пола. Поскольку респонденты, голосовавшие за переизбрание действующего президента, почти во всех случаях интервью сожалели об этом, по этому косвенному показателю можно заключить, что не менее половины населения оказывается подверженной воздействию СМИ.

Религиозность большинством простых людей понимается как приверженность церкви и исполнение церковных обрядов. В такой форме она весьма низкая. Но мало и истинно верующих людей. Многие респонденты уверены как в отношении себя, так и в отношении односельчан, что истинной веры нет, а если что-то и есть, то это скорее относится к области новомодных суеверий и некоторых остатков языческих представлений. Опираясь как на мнения самих людей, так и на основе ряда внешних признаков следует признать, что за это десятилетие уровень религиозности населения сколь-нибудь серьёзно не возрос, несмотря на хорошо всем известные акты реставрации со стороны властей.

Число действительно верующих за все последние годы довольно активной религиозной пропаганды, по-видимому, нисколько не возросло. Но быть верующим стало модно не только в городской, но даже и в крестьянской среде, и поэтому, чем моложе человек, тем, как правило, вероятнее, что он отметит свою религиозность.

Реальная религиозная активность (посещение церквей, участие в молениях, о факте которых можно судить по наличию в домах икон) не только в городках, но и в сёлах крайне невелика, а по некоторым эпизодическим наблюдениям можно заключить, что действительно верующая и активная в религиозном смысле часть населения составляет всего 2—5%.

Наблюдаемый феномен депрессии религиозного чувства в народе, такая неожиданная невосприимчивость, может найти некоторое объяснение в том, что в массовом сознании развиваются своего рода "сурrogаты" религиозности. Прежде всего я бы отнёс к таким новым формам ту, которую можно назвать "архаическим экологическим чувством".

Это чувство, или, как принято говорить, "экологическое сознание", следует признать в качестве ещё одного признака начавшегося радикального изменения в структуре мировоззрения общества. В исследованиях последних лет я зафиксировал отчетливую трансформацию в системе экологических представлений простых людей.¹²

В советское время люди испытывали равнодушие к экологическим проблемам столь же большое, какой была и их "экологическая ажитированность" в конце 80-х - начале 90-х годов. Обусловлен был такой динамизм мировоззренческих установок, по моему мнению, поверхностностью и конъюнктурностью экологических взглядов людей, формируемых и определяемых во многом средствами массовой информации. Конъюнктурность экологических представлений обусловила достаточно быструю смену и самих этих представлений. Экологическое сознание людей базировалось преимущественно на принципах утилитарного, в меньшей степени этического, отношения человека к природе как к окружающей среде (я бы сказал точнее: к Природе как к частной кладовке, складу полезных предметов). Природа рассматривалась большинством людей с точки зрения пользы, выгоды, вреда, реже - с позиций ее сохранения, защиты от негативной деятельности человека. Например, к началу

¹² Плюснин Ю.М. Экологическое мировоззрение: конъюнктурность и архаичность // Социально-политический журнал. – М., 1996. -- № 4. – С. 217 - 221.

90-х годов экологическое сознание большинства сельских жителей основывалось на дихотомиях понятий "загрязнение-чистота", "польза-вред".

Однако к последнему времени всё сильнее проявляются качественные изменения в структуре экологического сознания простых людей. Очень быстро возросла в значении и стала доминирующей эстетическая и этическая компонента отношения к природе за счёт резкого снижения значения утилитарной компоненты экологического сознания. Например, сейчас до 50% людей главенствующим принципом своего отношения к природе и взаимодействия с природой определяют эстетический, и ещё 28% - этический, тогда как только около 10% - утилитарный или негативный. Не использование природы, а отношение к ней как к Красоте и Миру - это становится всё более важным мировоззренческим императивом для простых людей, и в этом я вижу признаки возрождения подавленного ранее религиозного чувства.

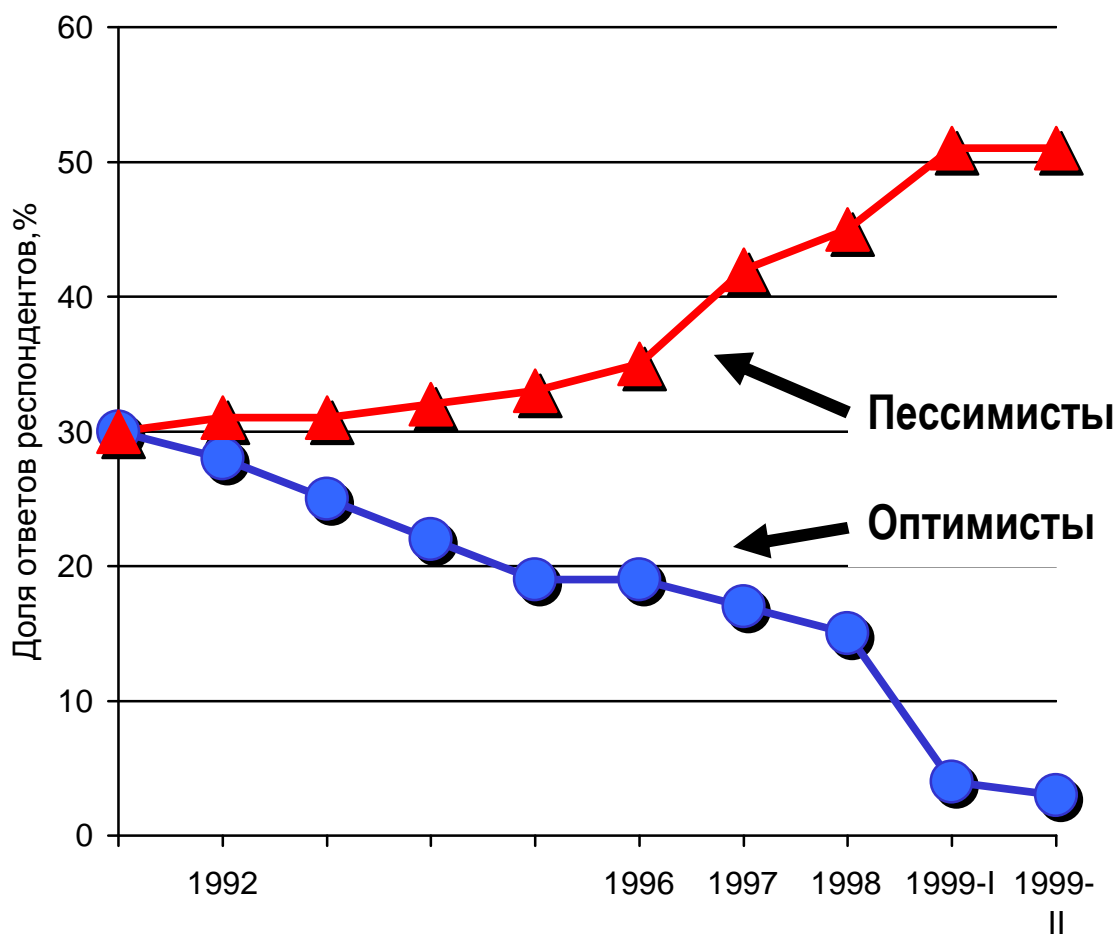

Рис.5. Динамика отношения (в процентах от числа опрошенных) населения России к политическим, социальным и экономическим преобразованиям общества. «Оптимисты» - люди, приветствующие демократические преобразования во всех сферах общества, считающие, что они способствуют возрождению и процветанию России. «Пессимисты» - респонденты, негативно относящиеся к курсу демократических реформ, считая, что это ведет к гибели и разрушению страны. На рисунке не показана доля респондентов, которые нейтрально или равнодушно относятся к любым социально-политическим преобразованиям; их число относительно стабильно и составляет от 1/3 до 1/2 числа респондентов. Данные, помеченные как 1999-I, относятся к январю, а 1999-II – к концу года.

Поэтому точнее следовало бы, наверное, говорить, что религиозная потребность многих людей и их религиозное чувство находят выражение не столько в обращении к церкви (отсюда так невелика, несмотря на все усилия, декларативная религиозность людей), сколько в обновленном экологическом сознании, которое в своих глубинах апеллирует к архаическому единству с Природой. Вполне допустимо, что именно совокупность экологических представлений на фоне вакуума мировоззрения, особенно религиозного, и на фоне отсутствия у населения необходимого авторитета ортодоксальной церкви (я не думаю, что только христианской) может выполнить в будущем роль нового идеологического стержня, на котором выстраивается новое народное мировоззрение.

Даже примера трёх составляющих общественного сознания, об изменении которых в последнее десятилетие я здесь упомянул, достаточно, мне кажется, чтобы оценить глобальность происходящих трансформаций российского менталитета и почувствовать, что пока эти процессы носят латентный характер, невидимый многими исследователями.

Изменения в социально-политических установках

Радикальное изменение отношения к власти

За десятилетие произошли коренные перемены и в отношении людей к власти, и в их политических предпочтениях. До 1994 года можно было с достаточной уверенностью говорить, что в среде простых людей, особенно в сельском обществе, коммунистическая идеология находила сочувствие едва ли не у всех (по моим эпизодическим наблюдениям в то время в разных областях страны, до 95-98% простых людей желали возвратиться к условиям жизни советского периода). Но уже к 1996-97 годам проявилась довольно сильная политическая поляризация, которая привела к тому, что только около половины членов общины продолжали оставаться верными прежней идеологии, а другая половина незаметно - в том числе и для себя - перетекла в лагерь, если не демократов, то "плюралистов", сделав осторожную ставку на новые организационно-политические формы жизни. Надо заметить, что в крупных городах социально-политические установки населения всегда отличались и отличаются от установок и политических пристрастий сельского населения. В качестве иллюстрации приведу график динамики отношения населения страны к демократическим преобразованиям в обществе за период с 1990 года (рис. 4). Оценки получены из разных исследований, в том числе моих собственных (в частности, часть данных взята из публикаций в журнале «Социс» результатов социологических мониторингов, осуществляемых разными коллективами ученых). Если в первый период реформ наблюдается достаточно значительная и опасная поляризация социально-политических установок населения: примерно по 1/3 с каждой стороны являются сторонниками и противниками реформ, то к концу десятилетия доля сторонников реформ приближается к нулю, а доля противников составляет уже больше половины населения (часть населения, равнодушная к оценке реформ, за это время мало изменяется, колеблясь от 40% до 50%). Картина изменений оценок населения направленности и характера политических преобразований общества характеризует, тем самым, и отношение людей к власти, с которой ассоциируются демократические реформы.

Внутриполитическая вакханалия 1997-99 гг. способствовала почти полной утрате интереса к политике в среде простых людей. Сейчас в большинстве своём уже исчезло противостояние в недрах общества коммунистических и демократических установок: ни те, ни другие уже не популярны. Однако, если в отношении первых можно сказать, что их популярность упала, но сочувствие к коммунистической идеологии и соответствующей партии есть, то к демократическим установкам сформировалось сейчас глубоко отрицательное отношение. Оно повсеместно. Можно сокрушаться, но дело обстоит именно так: "демократ" стало жупелом в провинции. Поэтому практически каждый политик местного масштаба старательно избегает практически любых демократических лозунгов, рассчитывая при этом на успех. Подавляющее большинство людей в сельской местности и малых городах сейчас совершенно аполитично. Они намерены идти за той политической силой, которая способна будет предложить прежде всего крепкую власть.

Аналогично политическим пристрастиям развивалось в эти годы и отношение людей к власти. В течение всего десятилетия государственная власть, как местная, так и федеральная, неуклонно теряла и продолжает терять свою силу в глазах простых людей. Если ещё до 1993-94 гг. страх перед властью был велик и определялся не только ещё свежей памятью о советском времени, но и ожиданием скорого изменения экономической, а с ней - и политической ситуации, - то к 1996-97 годам отношение стало близко к равнодушному, поскольку реальной власти государства на местах уже не осталось или осталось до смешного мало.

В последние же годы у простых людей отношение к центральной власти даже презрительное, чего никогда не бывало. Полная недееспособность властей проявляется не только в том, что с ней не считаются (если местная власть не опирается на авторитет и силу криминальных структур). Её будто и нет. (Забавный парадокс: власть полностью утратила силу, но численность её представителей в районах почти повсеместно возросла в 2-3 и более раз: теперь почти в каждой районной администрации до 80 штатных единиц.)

Тихо и неприметно эта власть оказалась в руках *бригадиров* - как в буквальном, так и в переносном смысле слова: у бригадиров производственных сельскохозяйственных обществ, наследовавших колхозам и совхозам, и у бригадиров криминальных организаций. "Свято место пусто не бывает". Хотя действительные отношения по поводу власти на местах сложны, в целом в глазах простых людей референтами реальной власти стали полукриминальные-полупроизводственные организации, существующие в любом районе и любой волости.

Весьма нередко (я думаю, это теперь стало правилом, но это довольно трудно обнаружить стороннему наблюдателю) руководители района связаны тесными узами с частными промышленными и коммерческими фирмами, а через них - с теневыми структурами. По крайней мере, респонденты повсеместно и нередко указывают на такую цепочку, связывающую власть с теневой экономикой и криминалом. Такие отношения, успевшие сложиться, закрепиться и укорениться, оказываются в глазах людей оправданными. Более того, они даже целесообразны с их точки зрения. В одном из моих последних интервью в 1999 г. некий средней руки предприниматель в Тверской губернии высказался вполне откровенно и ярко: "Что мне бояться рэкети́ров - это теперь не те, что были 5-7 лет назад, теперь это люди с пониманием, они всегда готовы войти в моё положение, понять, уступить, даже помочь. А вот государство у нас - и есть главный рэкети́р, и самый жестокий, для него любой из нас - враг: отдай всё, разденет, обманет, убьёт". И это ведь мнение не единичное, оно достаточно типично для тех людей, кто пытается делать свой бизнес в провинции. С нынешней властью (с той, что действовала в период 1996-1999 годов) люди не связывают никаких позитивных ожиданий.

Но власть и порядок нужны безусловно и на это в разговорах делают упор многие респонденты. Лейтмотивом политических предпочтений людей как был в начале десятилетия, так и поныне остаётся один: *"нам бы хозяина - мы бы тужились"*. Людей вовсе не заботят конкретные партии и программы. Им нужна власть. Крепкая, последовательная. Карающая, но и способная защитить простого человека.

Такой власти не было всё последнее десятилетие. Поэтому люди и склоняются к двум обычным выборам. В первом и простейшем случае они обращаются к представителям преступного мира и, находя в их лице защиту и покровительство, всё больше тяготеют к этой, хотя и "эрзац-власти", но последовательной и эффективной. На местах она сильнее настоящей, государственной. Хуже того, с течением времени криминальные авторитеты в районах (где они часто являются и главными бизнесменами и коммерсантами) начинают осознавать, что они оказались облечены новой для себя функцией, незаметно переданной им от государственной власти. Нередки ситуации, когда не только простые люди, но и районные чиновники открыто гордятся своими связями с "авторитетами", поскольку это реально повышает их влияние и власть. Как не сравнить эту ситуацию с прежней Сицилией, или современной Колумбией? А ведь этот процесс в стране только набирает темп и стал вполне очевиден только в последние 3-4 года.

Тенденции к развитию местного самоуправления

Вторым выбором населения в ситуации, когда власти мало или нет совсем, оказывается стремление к местному самоуправлению. Такие тенденции очень чётко обозначились в период 1992-94 гг. Одной из важнейших причин для этого послужил развал колхозов и совхозов, когда люди, особенно в небольших сёлах, оказывались вдруг перед необходимостью настоящего физического выживания, не имея для этого ни денег, ни достаточного хозяйства.

Задача жизнеобеспечения своими силами повлекла за собой вполне естественное стремление регулировать жизнь своего сообщества независимо от местной государственной власти. Приведу один весьма показательный пример. В 1994 г. во время исследований в Горном Алтае жители села Сайдыс рассказали мне, как, благодаря по собственной инициативе созданному самоуправлению в селе, они защищали свои права перед властью. В то время широко распространились неправомерные действия со стороны коррумпированных чиновников, способствовавших "теневым бизнесменам" решать свои "проблемы" за счёт местного населения. Один из таких бизнесменов, занявшийся разведением маралов с целью нелегальной продажи пантов за границу, попытался, при поддержке чиновников, огородить громадный участок леса, принадлежащий двум соседним деревням. Эта земля - в буквальном смысле слова стал к тому времени источником жизни для людей. Возникший конфликт, где простым сельским жителям противостояли объединённые силы "криминала", местной администрации и милиции,

разрешился тем, что жители снарядили два конных отряда молодых парней вооруженных ружьями, отправившихся на защиту территорий, наказав отстаивать права до конца и всеми средствами. Неделю вооруженные люди с двух сторон стояли на границах угодий, пока, наконец, бизнесмен и местная власть почему-то не отступили. Не чувствует ли здесь читатель романтику времен освоения Дальнего американского Запада? Но, к счастью, этот случай оказался с хорошим концом, хотя других подобных случаев и тогда, и потом было и сейчас происходит немало в стране, конечно же, далеко не всегда с happy-end'ом.

Большинство жителей небольших сообществ медленно, но со всевозрастающим вниманием обращается к идее самоуправления. Степень сочувственности к ней, естественно, прямо пропорциональна слабости законной власти и произвола ее криминальных заместителей. В последние годы не менее 2/3 людей считают, что для их села или городка самоуправление желательно, даже необходимо. Всего менее 20% населения относится отрицательно к такой идее. Но реальных шагов в этом направлении крайне немного: судя по ответам, менее чем в одном населенном пункте из каждых десяти сформированы элементы самоуправления, а развития, достаточного для его нормального функционирования, нет практически нигде (хотя, как известно, официально местное самоуправление декларировано и соответствующие структуры формально созданы почти во всех районах).

Это и понятно: лишь единицы представляют себе суть самоуправления, политические, социальные и экономические условия его осуществления в современном малом городе или селе. Ни одним из респондентов за все последние 5 лет наблюдения ситуации не было высказано каких-либо, даже элементарных представлений о конкретных механизмах воплощения в жизнь идеи самоуправления. В настоящее время мы наблюдаем осознание только потребности в самоуправлении, но не её реализации. Но потребность эта велика. Как скоро она получит организационное оформление?

Поведение выживания

Когда ученые говорят о низком уровне жизни людей в стране, о невысоком качестве жизни, они не правы. В действительности нужно говорить о *выживании*, простом биологическом выживании, задача которого уже много лет стоит перед немалым числом населения страны. Смысл такого выживания - в достижении минимальных условий, обеспечивающих простое физическое сохранение индивида. Такими минимальными условиями оказываются сейчас небольшой участок земли, на котором семья (домохозяйство) может вырастить картофель, овощи и фрукты, а также заготовить сено для домашнего скота и птицы. Кроме того, не менее важной задачей для многих стоит вопрос о заготовке топлива (дров или угля) на долгую и холодную зиму. И, конечно, для всего этого нужно иметь силы вырастить, заготовить, переработать и сохранить произведенные натуральные продукты. На это уходит сейчас основная часть жизненных сил очень многих людей.

В первые годы реформ многие оказались совершенно не готовыми к почти абсолютно автономному жизнеобеспечению себя и своей семьи. В тот период немало людей целыми посёлками голодали - ведь многие семьи жили только на зарплату и не имели возможности сразу завести хозяйство. По моим данным, в 1994-96 гг. не только в лесных посёлках (где традиционно не велось приусадебное хозяйство, а люди жили на зарплату и промыслами), но даже и в сёлах (где подсобное хозяйство сохранялось всегда) до 1/3 всех детей голодали. Данные по детям получить было легче - через интервью с учителями школ и разговоров с самими детьми, - но это значит, что и взрослые в каждой третьей семье недоедали или голодали. Более того, в период до 1996 г. я фиксировал рассказы людей о том, что были случаи голодных смертей. Причиной была неподготовленность многих людей к практически внезапному изменению базовых составляющих системы жизнеобеспечения общества. Например, на Русском севере, где основу экономической деятельности всегда составляли крупные рыболовецкие колхозы, население традиционно не имело подсобного хозяйства: на одного человека приходилось в среднем около 0,01 га пахотной земли, всего менее 0,3 головы любого вида домашнего скота (в 1996 г. я насчитал в 2400 сельских домохозяйствах всего 6 свиней), тогда как минимально необходимые натуральные ресурсы для полного самообеспечения даже в умеренной зоне составляют не менее 0,1 га пашни, 1-2 га сенокосов и лугов, не менее 1 головы скота.¹³

Состояние катастрофы экономики домохозяйств, которое повсеместно ощущалось в первую половину этого десятилетия, достаточно быстро - иначе и нельзя было - сменилось активным поиском новых форм жизнеобеспечения. В каждом селении и в каждом регионе находят и претворяются в жизнь разнообразные, многочисленные способы автономного выживания. В одном случае люди начинают заготавливать и продавать сено, потому что в соседней области неурожай трав, в другом

¹³ Плюснин Ю.М. Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания») // ЭКО – Новосибирск, 1997. -- № 7. – С. 169 - 176.

случае - объединяются на время в нечто вроде кооператива для выращивания телят или свиней, чтобы зимой приехать в город, минуя перекупщиков, и продать своё мясо, а в третьем - становятся, например, *нищими рантье*, сдавая внаём за минимальную плату свои рыболовные сейнеры, или нанимая на них команду из ещё более нищих жителей с Украины или из Эстонии, как это наблюдается на Белом море.¹⁴

Форм новой экономической активности множество. Все они крайне просты. И самой простой, как и самой распространенной (впрочем, более всего поражающей воображение) оказывается модель жизнеобеспечения, основанная на возврате к натуральному хозяйству, обеспечивающему полный жизненный цикл семьи. В течение одного-двух лет люди перешли от промышленного крупномасштабного сельскохозяйственного производства к таким формам натурального хозяйства, которые описывались историками как типичные в XVI - начале XIX века в сельских районах Франции, Германии или Ирландии, и даже зафиксированы в летописях для XII-XIII веков на Руси!¹⁵

У меня давно уже сложился устойчивый образ нашей современной социально-экономической жизни: если в советский период общество представляло собой нечто вроде прочной, массивной гомогенной платформы, с почти полным единообразием экономической активности, этакий *кусок застывшего жира в чугунном котле*, то в наше тяжелое время кризиса жир растопился, вскипел и бурлит, в нём постоянно образуются и всплывают на поверхность множество пузырей - новых, ранее не виданных форм (сказать точнее, моделей) жизнеобеспечения. Почти все из этих пузырей, всплывая на поверхность, тотчас же и лопаются, исчезают без остатка. Но ведь котёл когда-то перестанет кипеть - даже глобальные кризисы проходят - и какие-то из вновь образовавшихся пузырей - новых моделей жизнеобеспечения - имеют шанс не лопнуть, а застыть, затвердеть и стать точкой кристаллизации для нового экономического, а, может быть, и общественного порядка в России.

Какими по природе являются эти возможные точки экономического роста? Будут ли они политически, социально, да и морально оправданными? Вопрос нешуточный, потому что с каждым годом я наблюдаю появление или развитие таких новых "моделей выживания", которые всё более внушают опасения. Ведь, например, сообщества целых селений и городков, включая женщин и детей, начинают обеспечивать свою жизнь путем участия в перевозках и торговле наркотиками. И если эта "модель выживания" распространится и захватит почти всё население хотя бы небольшого сообщества, государственная власть окажется бессильной истребить её. Не лучше ли, пока не поздно, способствовать распространению иных моделей жизни?

Вместо заключения

Я не склонен давать глобальные прогнозы и рассматривать перспективы развития российского общества. Мою задачу в данном случае я видел только в том, чтобы зафиксировать на эмпирическом уровне происходящие с обществом изменения. Изменения в любом случае должны были бы быть, поскольку они составляют плодородную почву всякого социального развития. Другое дело, что эти изменения оказались совсем не теми, каковые мы (я имею в виду не политиков, а научную и творческую интеллигенцию) с энтузиазмом прогнозировали ещё в 1989 году и даже в 1991. Действительно, *"хотели как лучше..."*

И в то же время, эти изменения - вполне объяснимая (может быть, и предсказуемая - зная бы заранее) реакция общества на свою болезнь. И вот эта объяснимость позволяет сделать одно, как кажется, даже тривиальное, заключение.

Мы видим, что Россия меняется, меняется поспешно, не осмотревшись. Но каковы по своему духу эти второпях делаемые изменения? Это новые политические и экономические институты общества, может быть, элементы новой морали. Только мы обнаруживаем, что всё, порождаемое в недрах общества как бы из ничего, на самом-то деле, существовало в нём всегда и ранее присутствовало в потенции. И в любой новой констелляции проявляется один и тот же архетип народного духа, определяющий уникальность как народа, так и формы тех преобразований, на которые этот народ поднимаем, независимо от того, что за времена общество переживает - благодатные или горестные.

Ведь часто оказывается, что горестные дни для современников - время героев для потомков. Меняющаяся Россия - но она остаётся всё той же.

¹⁴ Плюснин Ю.М. Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. - М., 1997. -- № 3. - С. 180-192.

¹⁵ Плюснин Ю.М. Многообразие простоты: модели жизнеобеспечения сельского населения России в период кризиса общественной жизни // Этносоциальные процессы в Сибири. - Новосибирск, 2000. - Вып. 3. - С. 63-68.